

An impressionistic landscape painting by Vasiliy Karashev. The scene depicts a vast, green field with patches of yellow and brown, suggesting a field of wildflowers or a meadow. In the background, there is a line of trees and a few small, red-roofed buildings. The sky is a dramatic mix of blue, white, and purple, with thick, expressive brushstrokes. The overall style is characteristic of Impressionism, with a focus on light and color over fine detail.

Василий Карасев

СЛУГА ВСЕХ МЫШЕЙ

Космическое фэнтези

Василий Карасев

**Слуга всех мышей.
Космическое фэнтези**

«Издательские решения»

Карасев В.

Слуга всех мышей. Космическое фэнтези / В. Карасев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853068-5

В чудеса не верят те, в ком нет магических способностей. Они называют себя прагматиками, а мир делят на атомы, километры и биты. Они уверены в себе, но их жалко, как жалко слепого, не умеющего различать цвета. Мир для него сер и создан лишь из звуков, а выдумки про цвета — сказки для романтиков. Те, в ком спят способности Мага, в чудеса не верить не могут. Иногда хотели бы — ведь мир вокруг кажется таким рациональным, а прагматики так снисходительны и ироничны — но не могут.

ISBN 978-5-44-853068-5

© Карасев В.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ I. НЕПРАВИЛЬНАЯ НОЧЬ	6
Ночь	7
Вечер	9
Вшивая собака	11
Звездная вязь	14
Вшивая собака	17
Еще один родственник	20
Обратный ветер	22
Хаврошин	24
Дом в сосновом бору	26
Сторожи Морока	31
Слуга Всех Мышей	33
Папа	35
Шаммурамат	37
Плащ	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Слуга всех мышей Космическое фэнтези

Василий Карасев

© Василий Карасев, 2017

ISBN 978-5-4485-3068-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ I. НЕПРАВИЛЬНАЯ НОЧЬ

Любой кот сразу чувствует, что правильно, а что – нет.

Пакс лежал на крыше одноэтажного деревянного домика, изредка шевелил хвостом и задумчиво разглядывал двор. Ночь была неправильной. В легком сумраке лениво покачивались стволы вишен, малыш—ветерок игрался забытой газетой, противно и сипло таякала соседская шавка. Ее хозяйка, баба Марфа, склочная, матерная и вечно ходящая в телогрейке, выглянула во двор проверить, не лезут ли «сволочи» за малиной.

А огромное небо слегка звенело где-то высоко—высоко... Ночное небо всегда чуточку звенит – звездные пылинки на огромной скорости сталкиваются друг с другом и рождают высокий тонкий звук – но слышат это только коты....

Вообщем, всё было, как вчера... И как позавчера... И как год назад... И все же что-то было не так.

Ночь

Дверь я не запираю никогда. Глупое это дело, запираю двери на Золотой Свалке. Еще украдут что-нибудь. Или прирежут во сне. А с незапертой как-то спокойней – кому нужен абсолютно доступный дом? И вот в эту дверь кто-то негромко постучал. Что было весьма странно: мои друзья не имели привычки стучаться в двери, а мои враги – тем более.

– Кто там? – сердито поинтересовался я, снимая старенький металлический чайник с плиты.

– Это я, – голос был женским и каким-то... необычным что ли, – у меня к вам дело!

– Ну заходите, показывайте, – разрешил я и в ожидании уставился на дверь.

В проеме возникла высокая фигура, с головы до пят закутанная в темный плащ.

– Добрый вечер, красавица, – иронически поздоровался я, хотя какой вечер – на часах уже ноль – и какая красавица – даже лица не видно.

Из—под плаща послышался короткий смешок.

– Вы с ним близко не были знакомы. На самом деле он мелочен, нуден и ужасно сварлив.

– Кто? – опешил я.

– Вечер, – пояснила Незнакомка и плавно скользнула к одинокой табуретке у стола, – чаем угостите?

– Может быть, – ответил я. Не нравятся мне незнакомки, столь вольготно чувствующие себя в моем доме, – а у вас лицо есть? Или вы – сплошной плащ?

– Лицо у меня есть, – улыбнувшись, подтвердила гостья и откинула плащ, роняя его на пол. Падая, он совершенно неожиданно стал терять четкие очертания, сгустился небольшим темным облачком и неторопливо улегся у ног под столом. Ведать не ведаю, как должны выглядеть плащи, обученные подобным превращениям, но этот выглядел явно обиженным.

А вот его Хозяйка наоборот улыбалась. У нее была красивая, но очень странная внешность: темные и желтые волосы. Не темно—желтые, а именно и темные, и желтые. Через раз. Описать это очень трудно – слишком много букв затратишь, «глядеть нада», как говорит Крынза, мой единственный настоящий друг.

Темные и желтые волосы, смуглая кожа, широкие скулы, нос слегка горбинкой и невероятно желтые глаза. Опишешь на бумаге – монстр какой-то, но выглядело это вос – хи – ти – тельно!

Пока я рассматривал... да что там – пялился на Незнакомку, она оглядела мое убогое жилище и, обернувшись, сказала:

– А у вас тут не очень-то уютно.

– Ну да, – согласился я и машинально взглянул на часы. Стрелки по—прежнему указывали на ноль. Потом я, наконец, опомнился, налил в большую алюминиевую кружку чай и поставил ее перед гостьей. Плащ—облачко тут же вынырнул из—под стола и настороженно завис над кружкой.

– Брысь! – цыкнула на него Хозяйка, пригубила чай и чуть прикрыла глаза от удовольствия.

– Ох, – она бросила на меня лукавый взгляд, – сто лет чай не пила. Но у меня действительно важное дело. Видите ли, у меня кое—что пропало. Кое—что очень ценное для меня.

– Пропало? А причем тут я?

– Я объясню, – пообещала гостья, но объяснять не спешила, пила себе небольшими глотками чай из кружки и наслаждалась.

– Можно вас попросить выйти и взглянуть на небо? – наконец спросила она, сделав последний глоток.

Подозрительно покосившись на Незнакомку, я подошел к двери и, распахнув ее, посмотрел на небо. Вроде всё, как обычно. Темень, звезды, небольшие облака, фонарь над домом бабки Марфы. И все—таки... все—таки чего-то не хватало.

– Пакс, ты здесь? – окликнул я кота.

– Мя, – лениво раздалось с крыши. Не отвлекай, мол, делом занят – отдыхаю.

Я повернулся к Незнакомке.

– Не заметили? – вздохнула она, – а ведь могли бы....В небе нет Луны. Она пропала ровно сорок минут назад.

Я снова взглянул на часы: стрелки застыли на нуле.

– Вы кто? – повернулся я к госте.

– Я – Ночь, – ответила она.

Давно со мной не кокетничали женщины! Уже и забыл, как играют в эту увлекательную игру, но – чем звезды не шутят! – а вдруг еще не совсем...

– Ночь? – я сделал удивленное лицо и, нарочито запинаясь, пробормотал. – Вам же ты... ми... сколько ж вам лет?!!

– Ну, с тех пор, как Папа нас создал, прошло,... – она лукаво улыбнулась, – довольно много времени.

– А выглядите примерно на тридцать, – соврал я. Выглядела она явно моложе.

– Смотрите, не влюбитесь. А то случится тоже, что с Адамом. И придется Папе сочинять еще одну историю про яблоки. Знаете, – на лицо загадочной гостьи набежала легкая тень, – я так давно не была женщиной. И это безумно приятно снова побыть человеком. Но у меня очень мало времени. И очень большие проблемы.

Вечер

В чудеса не верят те, в ком нет магических способностей. Они называют себя прагматиками, а мир делят на атомы, километры и биты. Они уверены в себе, но их жалко, как жалко слепого, не умеющего различать цвета. Мир для него сер и создан лишь из звуков, а выдумки про цвета – сказки для романтиков.

Те, в ком спят способности Мага, в чудеса не верить не могут. Иногда хотели бы – ведь мир вокруг кажется таким рациональным, а прагматики так снисходительны и ироничны – но не могут. Они глотают никчемные газетные гороскопы, слушают байки про НЛО, зачитываются Толкиеном и Фраем, до утра режутся в компьютерные игры за эльфов и хоббитов, и в глубине их душ тлеет почти незаметный огонек надежды на чудо.

Ил читала, сидя в кресле – темный халат, тапочки на босу ногу, волосы собраны в длинный хвост, в руке пластмассовый стакан с семечками. Очередная глава книги стремительно проносилась мимо нее, оставляя запах гари от выстрелов бластера, благодарные вздохи спасенной принцессы и рёв раненного гигантского дракона. Сняв очки, Ил потеряла усталые глаза, и вдруг дужка очков в ее руке неожиданно хрустнула и отломилась. Выстрелы тут же умолкли, принцесса замерла, не успев броситься герою на шею, и даже дракон прекратил реветь, недоуменно оглядываясь, куда же подевалась свидетельница последних минут его жизни.

– Ну вот, Матрёна какая! – рассердилась на себя Ил и отложила книгу.

– Вообще-то очки вам совсем не нужны, – раздался за ее спиной чей-то приятный тенор, – если вы захотите, то можете замечательно видеть и без них.

Ил вздрогнула и испуганно обернулась. Возле двери высился расплывчатый силуэт. Близоруко шурясь, Ил попыталась разглядеть говорившего.

– Вы кто? Как вы сюда вошли? – она попыталась надеть сломанные очки, но тут, как назло отломилась и вторая дужка.

– Не нужно так шуриться. И бояться тоже. Да вы уже и не боитесь, правда? – говоря, Незнакомец сделал плавный пасс рукой и посмотрел на Ил.

Она тут же почувствовала, как уходит страх: медленно и принося невероятное облегчение, будто затухающая от анальгетика зубная боль.

– У вас хорошее воображение, Ил, – Незнакомец назвал ее по имени, и она восприняла это как должное, – закройте глаза и представьте себе звездное небо.

Веки Ил послушно опустились, и на нее обрушилось что-то невероятное: рой маленьких светящихся линий, назойливо мельтешащих в абсолютном беспорядке.

– Сосредоточьтесь! – голос Незнакомца звучал гипнотически.

Ил попыталась сосредоточиться на линиях, и те стали постепенно замирать, образуя яркую светящуюся звездную вязь. Непонятные желтые знаки на темно—синем небе, отдаленно напоминающие арабский алфавит.

– Читайте! – на этот раз голос прозвучал, как приказ.

Ил вдруг осознала, что понимает эту вязь. Не смысл написанного – нет, но она понимала буквы и могла сложить их в слова. Непонятные, загадочные, но читаемые слова.

– Читайте! – почти выкрикнул Незнакомец.

– Яз визе, – прошептала Ил и, увидев, как медленно гаснут буквы, открыла глаза. Вокруг нее закружились в стремительном водовороте яркие краски, а затем комната и все, что находилось в ней приобрело резкие точные очертания. Очки стали больше не нужны. Она повертела в руках сломанную оправу и сунула ее в карман халата. Незнакомец уже сидел на небольшом гостевом диванчике, рядом с высокой крученной подставкой в несколько горшков, в которых росли маленькие и неуклюжие, но любимые Ил цветы.

Она изучающее уставилась на него: стройный, лет под сорок, волосы с проседью, прямой нос, ироничная улыбка. Одет в светлый вязанный свитер и джинсы.

– Что это было? – растерянno спросила она.

– Язык звезд, – совершенно буднично пояснил мужчина, – самый первый из известных алфавитов. Его могут читать только маги, да и то не все, а только потомственные маги—звездочеты. Кстати, он еще и звучит, но вы не услышите. Люди на это не способны. Разве что только коты...

– А вы кто? – Ил никак не могла прийти в себя. Казалось бы вот сейчас, вот еще чуть—чуть и она осмыслит случившееся, распределит его по полочкам, разложит на дебет и кредит, подберет баланс и сразу поймет, что происходит и как нужно себя вести. Но это чуть—чуть все время ускользало, каждое следующее событие не оставляло времени, чтобы остановиться и привести мысли в порядок.

– Столь простые вопросы вы уже можете не задавать, – ухмыльнулся гость, – закройте глаза и спросите у звезд.

Ил послушно закрыла глаза и сформулировала вопрос. Перед ее взором тут же возникла короткая ярко—звездная надпись. И смысл этой надписи был понятен!

– Вечер? – удивленно спросила Ил, прочитав надпись, – вы Вечер? В каком смысле?

Гость отвечать не торопился. Он вытащил из воздуха уже раскуренную трубку и глубоко затянулся. К удивлению Ил запах был вовсе не от табака. Так пахли в ее воображении дальние страны, когда она читала книги – пряно, насыщенно, загадочно.

– Видите ли, – ответил, наконец, Вечер, – это очень долгая история. А я слишком дорожу своим временем. К тому же у вас теперь есть Звезды, а они хранят такие ответы, каких не сыщешь ни в Великой Английской всемирной энциклопедии, ни в Великом Американском всемирном Интернете. Ни в Великой Русской загадочной душе, – он еще раз с наслаждением затянулся и продолжил, – так что займитесь, леди, поиском ответов на свои вопросы на досуге. А у меня к вам неотложное дело. Надеюсь, вы понимаете, что я оказал вам большую услугу. За вами – должок и вы должны его отработать. Мне нужна ваша помощь в поиске некоей пропажи.

– Моя? – удивилась Ил, – а что у вас пропало?

– Разве я сказал, что пропало у меня? Привыкайте слушать внимательно! – Вечер недовольно поджал уголки губ, – как вы могли бы уже догадаться, леди, раз существует Вечер, то есть также Утро, День и Ночь. Ночь – это моя сестра, исключительно безалаберное и безответственное существо. С ней вечно случаются скверные истории – она называет это романтикой! Как же было спокойно в последние годы, когда Папа ее из дома не выпускал. Ну да ладно... К делу. То, что произошло сегодня, а ведь она первый день, как вышла из дома! – не удержался Вечер, – то, что произошло сегодня – вообще из ряда вон. Она потеряла Луну!

– Что потеряла? – ошарашено переспросила Ил.

– Луну, – повторил Гость, и его надменное лицо неожиданно приняло обиженное выражение....

Вшивая собака

«Вшивая собака» – самая паршивая забегаловка на всей Золотой Свалке. Длинный некрашенный сарай с огромными щелями, грубо сколоченные столы, выщербленные и потрескавшиеся граненые стаканы, немытые жирные тарелки, а вместо стульев – деревянные чурбаки с прибитыми на них досками. Пьют здесь исключительно самогон и закусывают им же. А то, что здесь именуют едой, еще хуже самогона.

«Вшивая собака» – пристанище людей дна. И тех, кого оно стремительно затягивает в свои жадные трясущиеся с похмелья лапы. Они еще не считают себя пропащими, они еще рассказывают друг другу пьяные сказки о переменчивости судьбы, о полосатой Зебре Жизни, о Старом Добром Времени, когда они были молоды, счастливы и беспечны. Но Дно уже крепко вцепилось в их помятые несвежие рубахи и пиджаки, добавило Зелье Забвения в их дурно пахнущий самогон, и навсегда отрезало их от Настоящего. Во всех смыслах – от временного до нравственного. Кто-то из них еще помнит сладость любви, надежность дружбы, радость творчества, но уже не способен ни на первое, ни на второе, ни на третье... Ни на что, кроме хвастливой пьяной болтовни в кругу себе подобных...

Я сидел во «Вшивой собаке» уже минут двадцать, делал вид, что отхлебываю мутного щербатого стакана и ждал. Чего – не знаю. Кого – тоже. На скамейке рядом лежал Пакс, недовольно пофыркивая в окутавшем все помещение сизом табачном тумане. Ничего не происходило, и я снова и снова прокручивал свой разговор с Ночью.

Не знаю почему, но я похвастался ей своим умением «чувствовать чувства». Это действительно было единственное, что я умел по—настоящему. Удивительно, но люди совершенно не слышат друг друга. Слушают одно, а слышат совершенно иное. Любимая наша фраза: «Ну, этого я от него никак не ожидал!» Хотя понять человека совсем не сложно. Стоит только представить, каким он был ребенком. Дети – самые непосредственные существа на свете. На их лицах отражаются эмоции, ожидания, мечты, обиды – и любой может прочитать их без всякого напряжения. Взрослея, люди надевают маски и оттого перестают понимать друг друга.

Но стоит немного напрячь воображение, представить человека ребенком – и самый загадочный человек сразу становится понятен и предсказуем. Не знаю, кто открыл этот способ первым, мне хочется думать, что это был я. Но я так не думаю: ведь это так просто!

В ответ Ночь сказала, что простота тут кажущаяся, ведь я понимаю язык чувств, а это дано немногим – лишь потомкам некогда существовавшего Ордена эмпатов. И если я буду очень стараться, то смогу не просто случайно улавливать эмоции, пользуясь своими дикарскими приемами (тут она показала язык: мол, получил за хвастовство), а читать чувства как читают книгу... даже не книгу, а уличные граффити. Граффити эмоций, где соседствуют огромные багрово—красные знаки гнева, мелкие грязно—желтые завитушки лжи и даже изредка абсолютно белые и удивительно простые буквы счастья. Я даже попытался представить эту азбуку, но не смог.

– А ты можешь меня научить? – полюбопытствовал я у Ночи. К этому времени мы уже перестали выкать и перешли к простому дружескому «ты».

– Могу, хотя и не владею этим искусством, – ответила она, – но не буду. Ты должен сам научиться. Иначе это будет взаймы, а нет ничего хуже, чем жить взаймы. А вот подсказать «как» и подтолкнуть «куда нужно» – это пожалуйста.

– Спасибо, – язвительно буркнул я.

– А благодарить бы стоило серьезно, – вздохнула Ночь с легкой грустью, – но ты это пока не поймешь.

За разговором мы не заметили, как вернулся в комнату Пакс. Он совершенно не обратил внимания на гостью, но тотчас настороженно застыл, увидев ее Плащ. Некоторое время они

как бы принюхивались друг к другу, а потом устроили веселую возню, наполнив дом шумом, визгом и писком. Удивительно, но Плащ умел издавать звуки! Причем он явно был доволен. В конце концов, устав удирать от Плаща, кот запрыгнул ко мне на колени и больно вцепился когтями в ногу.

– И откуда ты только такой взялся! – усмехнулся я.

– Этого никто не знает, – неожиданно сказала Ночь, – никто не знает, откуда появились коты. Могу сказать, что когда Папа создавал этот мир, котов в нем не было.

– Ну, понятное дело, – ответил я, – собак тоже не было, и крокодилов, и людей. Все мы от кого-то эволюционировали.

– Глупое слово, – поморщилась Ночь и отбросила со лба упавшую прядь, – ты не замечал, что неверные слова обычно глупые? Просто мой Папа всегда любил пошутить. Шлялся от скуки по всему миру и подкидывал кому нужно всякие смешные идеи. Вот и Дарвина тоже подбросил за кружкой эля. Думаю, даже за бочонком, вернулся он весьма навеселе. А утром начал фабриковать доказательства: кости динозавров невиданной величины, «вымерших» насекомых и прочую дребедень. Разбросал их по планете, даже карту составил, правда, попозже и на память, так что весьма неточную. Это уже позже было, когда они с Вечером стали играть в «Где и когда найдут очередное «недостающее звено эволюции».

– Ты рассказываешь ужасные вещи! – заявил я, но потом от души расхохотался, – и кто же вышел победителем?

– А им это до сих пор не надоело. Вечер, конечно, проигрывает с разгромным счетом и ужасно злится.

– Не любит проигрывать?

– Ну и это тоже. Но он к тому же жадный! И все время мухлюет. Слышал про пилтдаунского человека? В начале 20 века в Англии нашли останки некоего существа с черепом человека и челюстью обезьяны и провозгласили тем самым недостающим звеном... тьфу, ну что всё—таки за противное слово!.. эволюции человека. И только в середине века выяснили, что это подделка: не соотносится со всем тем, что раньше находили. Совершенно не то! Ну, это и понятно: остальное Папа делал.

– А почему жадный? – мне было очень любопытно слушать Ночь, я уже почти представлял и Папу, и Вечер – разве они на деньги играют?

– Тю, на деньги, – расхохоталась Ночь, – зачем им деньги? На звезды играют. Папа на две галактики звезд впереди.

– Послушай, – помрачнел я, едва речь зашла о звездах, – я вот всё понять не могу. Луна – это же огромное небесное тело, спутник Земли. Если его кто-то стащил, то ведь не на Золотую Свалку, верно? Только в глубины космоса куда-нибудь...

Ночь мило улыбнулась. Не нравится мне, когда она так улыбается: ехидно и лукаво одновременно: типа ну и дурачок же ты, таких простых вещей не понимаешь.

– Луна вовсе не небесное тело, – заявила Ночь, – не повторяй чьих-то расхожих глупостей.

– Как? А американцы?! Они же высаживались на нее?

– Ты уверен, что на нее?

– Не высаживались, значит, – я удовлетворенно покачал головой, – мистифицировали всех...

– Почему же? Высаживались. Но на спутник Земли, а вовсе не на Луну. Это совершенно разные вещи!

– И все—равно! Спутник не спутник, а она огромная! Куда ее могли деть, как не в эти самые космические глубины?

– Огромная? А как ты думаешь, что больше Луна или Ночь? А я ведь сижу перед тобой!

– Ну, хорошо, – согласился я, – маленькая она, малюсенькая, как обломок обрезка обрубка амёбы. Но как, все—таки, я ее искать буду?

– Всему свое время, – ответила моя Гостья, – хотя его как раз очень мало. Всего лишь до следующей ночи.

– До следующей тебя? – улыбнулся я.

Ночь шутиливо погрозила мне пальцем и стала совершенно серьезной.

– Сейчас я пушу время, дольше держать его нельзя... А ты отправишься во «Вшивую собаку».

– Во «Вшивую собаку»? – поперхнулся я, – не говоря уже о том, откуда ты про нее знаешь, что мне там делать?!!

– Я вижу, что в ближайшие часы там сходятся линии будущего. Только все как в тумане, ничего не могу понять, – вид у нее стал почти виноватый, – это должен быть знак. Что угодно и кто угодно: зашедший туда человек, случившееся событие, случайное слово.

– А почему именно я? Почему ты сама не можешь этого сделать?

– Найти его можешь только ты. Извини, так уж получается.

...И вот я сидел здесь уже целых полчаса, делая вид, что отхлебываю из мутного щербатого стакана, и ждал. Чего – не знаю. Кого – тоже....

Звездная вязь

В этом районе города Ил была впервые, и он ей категорически не нравился.

Покосившиеся деревянные хибары, заросшие бурьяном и лопухами огороды, мусор, сваленный прямо на улицу, пара бомжей, спавших на земле у дороги ... Абсолютно неуместно выглядели здесь несколько больших кирпичных коттеджей за каменными заборами. Улица была пуста и казалась совершенно безжизненной.

— Гарлем какой-то, — прошептала Ил, хотя в Гарлеме никогда не бывала. Она огляделась и, заметив большой неуклюжий сарай с несколькими мутными окнами, двинулась к нему. Обойдя вокруг здания, Ил в задумчивости остановилась у распахнутой настежь двери и недовольно поморщилась от стойкого сивушного аромата. Судя по всему, она отыскиала искомую «Вшивую собаку», хотя облезшая вывеска утверждала, что это «Бар «Ротшильд»». Правда, справа от вывески, под запыленной паутиной — Ил даже разглядела большого жирного паука — действительно была нарисована какая-то длинноухая шавка. Неизвестный художник изобразил ее рядом с огромным мешком. Когда-то мешок был украшен большим зеленым знаком \$, но теперь знак доллара еле виднелся из—под непристойной надписи, коряво написанной красной краской.

За несколько последних часов Ил вполне освоилась со своим новым даром.

Вечер очень надеялся, что она сообщит ему, куда спрятана Луна и на этом, как он выразился, «дельце будет окончено». Однако, на вопрос Ил:

— Где сейчас находится Луна?

Звездная вязь совершенно неожиданно ответила следующим текстом:

— Введите код доступа.

Ил беспомощно посмотрела на Вечер, но оказалось, что и он никаких кодов не знал. И снова ее поразила внезапная перемена в облике гостя: только что он выглядел самоуверенным светским львом, нагловатым, но не без некоторой изысканности, и вдруг превратился в растерянного и обескураженного обывателя. На Ил посыпалась куча вопросов, ответы на которые она добросовестно читала на языке звезд.

— Где находится в данный момент Ночь?

— Введите код доступа.

— Чем занимаются Утро и День?

— Введите код доступа.

— Что делает Папа?

— Информация принципиально недоступна.

И так далее, и тому подобное.

Видно было, что Вечер сильно расстроился, такого поворота он явно не ожидал.

— Странно, но мне всё это напоминает компьютер, — Ил устало опустилась в кресло и из—под ресниц посмотрела на Гостя.

— Да что тут странного, — раздраженно махнул рукой тот, — откуда по—вашему компьютеры пошли? В основе компьютера, Интернета и многих прочих вещей лежат исконно звездные технологии.

— А как о них узнали люди? — поинтересовалась Ил.

— Как, как... — проворчал Вечер, — Папа кому-то проболтался. У него тоже случаются...

Но что именно случается у Папы, Ил так и не узнала, так как Вечер вовремя прикусил язык. Внезапно его посетила какая-то мысль, он сделал несколько пассов руками, сообщил Ил, что подключил ее дом к «остановленному времени» и велел не мешать думать.

Ил заварила кофе, сделала на скорую руку несколько бутербродов, достала сахар и сливки и молча поставила все это перед Вечером. Затем полила комнатные цветы, проверила что

делает Кыш – кошка мирно спала, свернувшись в клубочек – и принялась за изучение Звездной вязи. Причем первым делом, сократила ее наименование до Звязь. Та нисколько не возражала. Оказалось, что Звязь выдавала только энциклопедические справки. То есть когда родился Петр III – пожалуйста, расшифровать этрусский язык – нет проблем, сколько зарабатывает сосед Федя Хаврошин – получите подробную справку. А вот когда Ил поинтересовалась, что Хаврошин думает про нее, то прочитала в ответ лишь сообщение о том, что «информация носит эмпатический характер, советуем обратиться к представителям Ордена эмпатов». Наконец, Ил устала задавать свои вопросы, а Вечер все еще задумчиво сидел, насупив брови, нервно постукивая пальцем по здоровенному золотому кольцу с бриллиантом и полностью отключившись от окружающей действительности. Тогда она включила телевизор и стала смотреть новости.

Диктор как раз рассказывал, что на Галапогосских островах марокканские ученые обнаружили останки некоего предчеловека, что позволило им заявить о том, что верхняя граница появления человека отодвинута, как минимум, на полтора миллиона лет.

– Марокканские?! – внезапно услышала Ил за своей спиной возмущенный вопль Вечера, – на Галапогоссах?! Это же восемь Двойных и один Белый Карлик!

Ил в недоумении обернулась, но Вечер уже снова отключился и сидел с закрытыми глазами. На подоконнике окна проснулась Кыш, лениво потянулась, прыгнула и подошла к Ил потереться о ногу. Покормив кошку, Ил взяла ее на руки, поключилась к Звязи и снова занялась расспросами:

– Кошки понимают человеческий язык?

– Кошки прекрасно понимают язык звезд, даже лучше магов.

– Да? А откуда?

– Информации нет.

«Во как, – подумала Ил, – не недоступна, а просто нет!»

– Как можно поговорить с кошкой, чтобы она смогла отвечать?

– Следует установить чаз, аналог компьютерного понятия «чат», – и Звязь объяснила как устанавливается этот звездный чат.

Ил тут же попробовала, и у нее получилось!

– Здравствуй, Кыш, это я, твоя Хозяйка, – заявила она, не зная как начать разговор.

– Почему ты называешь себя моей Хозяйкой? Я – Кошка! — в ответе Кыш можно было уловить удивление. Звездный язык кошек оказался гораздо богаче, он передавал эмоции.

– А кто вы такие? – спросила Ил. – Откуда вы?

– Ты живешь и не знаешь с кем? – буквы светились иронией, – тогда я подскажу, – улыбка, – я Кошка девятой жизни.

– Какой жизни? Так откуда вы?

Молчание. Молчание и неудовольствие вопросами. Потом все—таки ответ:

– Это хорошо, что ты научилась нормально общаться, – удовлетворение, – но не стоит задавать ненужные вопросы, чтобы не получить ненужные ответы. Я – Кошка девятой жизни и я устала. Сейчас я пойду спать, но если тебе понадобится моя помощь – зови.

Кыш прыгнула с колен и неторопливо пошла прочь.

– Помощь в чем? – нетерпеливо спросила Ил, ей хотелось продолжить разговор.

– Ты поймешь, – ответила Кыш и заблокировала связь.

Ил подошла к свернувшейся в клубок кошке и ласково ее погладила. А потом снова усеялась в кресло, положила голову на ладонку и стала ждать, пока очнется Вечер. Где-то через час он открыл глаза и сообщил, что ей немедленно нужно быть в какой-то «Вшивой собаке», просканировать всех находящихся в ней и сообщить ему результаты. Ничего больше не объясняя, Вечер просто приказал:

– Приготовьтесь!

И уже в следующее мгновение Ил очутилась в другом районе города.

Не успев накраситься и переодеться! Халат, правда, превратился в платье, но совершенно кошмарного фасона – Вечеру оказалось далеко до Версаче. Ну да и на том спасибо.

К «Вшивой собаке» тем временем приблизилась весьма живописная парочка – седой долговязый старик с деревянной клюкой и злющим выражением лица и невысокий молодой толстячок с блестящей лысиной и невообразимыми бакенбардами. Выражение лица у него было не в пример любезнее, а большой нос картошкой украшали массивные очки в роговой оправе.

– Простите великодушно, милая дама, – обратился Толстяк к Ил, – это заведение и есть «Вшивая собака»?

Но та не успела ответить. Старик зло посмотрел на нее и втокнул Толстяка в двери.

Ил тут же обратилась к Звязи, но та опять запросила код доступа. Тогда Ил жалобно вздохнула, достала из кармана зеркальце, поправила прическу и решительно шагнула в темный проем двери.

Вшивая собака

Странно, но за все время, пока я тут сидел, в обычно шумной и многоголосой «Вшивой собаке» было совершенно пусто. Лишь угрюмый маленький бармен по прозвищу Цимба в грязной оранжевой майке одиноко стоял за стойкой и лениво отгонял назойливых мух. Вообще-то содержать здесь пусть и самую паршивую забегаловку не имело никакого финансового смысла. Но на заднем дворе двое помощников Цимбы принимали наворованные местной публикой цветные металлы – да и не только металлы – расплачиваясь все теми же «огнетушителями» с самогонкой. Ходили слухи, что Цимба поторговывает и наркотой, но от этой стороны жизни я всегда старался держаться подальше.

Мне не было необходимости сообщать Ночи, что происходит в заведении: с моего разрешения, она все видела моими глазами. Правда, разговаривать мы не могли, но она посылала мне сообщения. Прямо на столе тусклой бегущей строкой появлялись размашистые сиреневые буквы. Про себя я их называл эсэмэсками.

Наконец в этом задрипанном баре появились два совершенно неуместных здесь персонажа: прилично одетый невысокий молодой толстячок с блестящей лысиной и невообразимыми бакенбардами и совсем юный долговязый франт с элегантной тростью.

Толстячок тут же направился к бармену и поинтересовался:

– Извините, любезнейший, это и есть «Вшивая собака»?

– Чувак, ты чё читать не умеешь? – насупился бармен, – это бар «Ротшильд».

– Ладно, ладно, – вступил в разговор Юный Франт, – «Ротшильд» так «Ротшильд», плесни лучше чего-нибудь алкогольного.

И взяв свои стаканы со стойки, парочка уселась за стол в дальнем углу.

«Ха—ха! – сообщила мне строка, – знаешь кто это? Утро и День! Надо же, тоже приперлись, только братца Вечера и не хватает»

Я снова посмотрел на парочку, пытаюсь определить, кто есть кто.

«Полный – это День, – сообщила строка, – а второй... о! Ты видишь его юношей? Забавно! Вообще-то это Утро и для всех он выглядит по—разному. Не обращай на них внимания, они здесь за тем же, что и ты».

Между тем, странности продолжались: в помещение вошла женщина. Нет, во «Вшивой собаке» бывали женщины, но лишь тогда, когда уже переставали, собственно, ими быть. Вошедшая на них совершенно не походила. Ну, разве что ее ужасное платье с огромными накладными карманами. Никогда не думал, что нормальная женщина может одеть такое. Она неторопливо оглядела помещение и остановила свой внимательный взгляд на мне. И вдруг я увидел граффити! Те самые граффити, про которые мне рассказывала Ночь. Они окружали женщину, и я их понимал: серый знак Дела... нет, Задания... даже Чужого Задания... Знак Испуга... ха—ха, оказывается, Знак Испуга – это нарисованный карандашом Прозрачный Заяц... Длинный нос – это что? А, Знак Любопытства...

Ил вошла в помещение и остановилась. За стойкой стоял бармен

«Цимбало Андрей Петрович. 48 лет. Три привода за хулиганство. Работает барменом в «Баре «Ротшильд». Живет....»

Ил перевела взгляд на Злобного Старика и его спутника, они о чем-то тихо шептались, с видимым удовольствием отхлебывая из стаканов.

– С этими понятно, – подумала она, – важные иштики, видимо, раз требуется код доступа...

В другом углу бара сидел еще один посетитель. Чуть выше среднего роста, лет тридцать пять—тридцать восемь, короткий ежик русых волос, глаза спрятаны за темными

стеклами очков. Незнакомец слегка улыбался, склонившись над столом – так улыбаются, читая интересную книгу, но ни книги, ни журнала, ни даже клочка бумаги перед ним не было. Такое впечатление, что он читал стол! Сидел и увлеченно разглядывал столешницу и при этом совсем не походил на идиота.

«Эмп...– буквы звездной азбуки внезапно зарябили, как будто нарушилась связь, но через мгновение вновь стали чёткими, – введите код доступа»

На столешнице снова появилась Бегущая строка, но из сиреневой она стала панически-алой: «Тебе только что пытались прочесть! Эта дамочка владеет Языком звезд! Но я заблокировала доступ.»

Что такое Язык Звезд, я не знал, но уже и сам видел, как рядом с женщиной появился, заслоняя остальные, огромный Знак недоумения – Поднятая вверх бровь. И тут же, словно невидимый ластик начал стирать все вокруг – через мгновение все знаки исчезли.

У Ил зазвонил мобильник, Она поднесла его к уху и услышала настороженный голос Вечера:

– Вы уже в баре? Вас пытались срисовать эмпат! Я стер Граффити, но ведите себя очень осторожно!

– Какие граффити?! – удивленно поинтересовалась Ил, но Вечер уже отключил связь...

Ил еще раз посмотрела на загадочного эмпата, потом решила вымыть руки, взять что-нибудь безалкогольное и сесть за стол.

Женщина снова посмотрела на меня, но я уже не мог определить ее чувства. Она прошла к стойке и поинтересовалась у бармена:

– Извините, здесь есть дамская комната?

– Сортир, что ли? – не понял Цимба и махнул рукой, – вон туда. Там и бабская комната, и мужицкий толчок, усе вместе, – и довольный своей шуткой захохотал.

Проводив женщину взглядом, я посмотрел на скамейку и не обнаружил Пакса. Беспечно оглянувшись по сторонам, я заметил его у соседнего столика игравшим с большим целлофановым пакетом. У Пакса просто страсть к этим шелестящим штукам: стоит где-то обнаружить целлофану, как он теряет голову и тут же пытается в него залезть. Я поднялся, подошел к коту и выгреб его из пакета. Вместе с Паксом в моей руке оказался заламинированный прямоугольник визитки. Усевшись за стол, я осторожно взглянул на нее и прочитал: «Селена, 913—913—1313».

«Это оно! – вспыхнула бегущая строка, – срочно возвращайся!»

Ил зашла в туалет, но умывальника не обнаружила. Посетители «Вишовой собаки» не имели привычке к излишней гигиене. Она уже хотела возвратиться в зал, когда увидела на подоконнике окошка серый прямоугольник простенькой визитки: «Селена, 913—913—1313»

«Селена – это же Луна! – Ил тут же достала телефон и набрала домашний номер.

– Похоже на зацепку, – заявил Вечер, едва выслушав Ил, – срочно возвращайся!

Она торопливо вышла из «бабской комнаты» и чуть ли не бегом двинулась к выходу.

Братья пили по-разному. Утро – недовольно морщась, мелкими глотками и заедая тонкими ломтиками соленого лимона – собственное изобретение, между прочим! День – залпом, удовлетворенно выдыхая и ничем не закусывая. Но глаза их одинаково внимательно следили за происходящим.

– Все равно никак не пойму, – День вопросительно посмотрел на брата, – почему бы просто не рассказать все Папе?

Этот вопрос прозвучал уже в пятый раз, и в пятый раз остался без ответа. Утро проводил долгим взглядом отошедшую от бармена женщину – звезды подери, нельзя же так одеваться! – и украдкой стал наблюдать за Человеком с Котом. Вообще-то этот тип выглядел весьма странно: мало того, что в пивнушку кота притащил, так еще и сидит, уткнувшись в стол, будто в окно автобуса. Хотя нет, встал, отобрал у кота рваный пакет, вытащил какую-то бумажку и снова бросился к столу! Ему что там указания на столе пишут, что ли?! Стоп! Именно! Прочитал очередное указание и ломанулся вон из помещения!

А вслед за ним и женщина выскочила из «бабской комнаты» и быстрым шагом устремилась к выходу! Она тоже? Ладно, проверим обоих.

– Пора! – решительно отставив недопитый самогон, сказал Утро, – твой выход, братец. Але—гоп!

– У меня еще полстакана! – недовольно поджал губы День.

– Они что-то нашли, ты понял? И побежали к своим хозяевам. А мы их так тихонько, так незаметно, так нежно перехватим...

Еще один родственник

Вокруг стоял сосновый бор с ослепительно голубым мхом под ногами. Высоко в небе неторопливо путешествовало солнце и сквозь зеленые игольчатые кроны нанизывало яркие рябиновые гроздья на свои лучи. И еще отчетливо пахло грибами....

Всего мгновение назад я вышел из «Вшивой собаки» и должен был очутиться дома, где меня ждала Ночь. А очутился в неизвестном осеннем бору в разгар дня. Вот не верил я никогда в телепортацию! А теперь верю, но не доверяю...

Меж деревьев виднелась извилистая лесная тропинка. Подумав пару секунд, я двинулся по ней и вскоре вышел на опушку леса прямо к калитке в цветущей живой изгороди.

– Заходите, заходите, не стесняйтесь, – слышался чей-то голос, – всегда рад гостям.

Из уютной резной беседки мне приветливо помахал рукой крупный бородатый мужчина лет пятидесяти в джинсах на босу ногу и белоснежной навывпуск рубашке. Его длинные седые волосы были собраны в хвост, а рядом, притулившись к стене, стояла большая черная гитара.

– Добрый... э... день! – поздоровался я и вошел во двор, оглядываясь по сторонам. Кроме беседки и нескольких цветочных клумб здесь больше ничего не было. А главное – не было никакого дома! По всем правилам он должен был стоять! Но его не было...

– Заблудились? – участливо спросил Хозяин этого места и лукаво посмотрел на меня. У него оказался очень обаятельный взгляд и небесно—голубые глаза.

– Да, – признался я и немного расслабился, – не могли вы подсказать куда я попал?

– Увы, – развел руками мужчина, – видите ли, я и сам не знаю, где мы сейчас находимся, – он взял в руки гитару и тихонько провел по струнам, – но зато я могу объяснить, как вы сюда попали. Да вы присаживайтесь, разговор у нас будет долгим.

За моей спиной из ниоткуда появилась обычная раскладная табуретка. Именно это и поразило меня больше всего. Наверное, если бы из воздуха материализовалось роскошное кожаное кресло, я был бы удивлен куда меньше. Внимательно осмотрев табуретку, я потрогал сиденье рукой и осторожно присел.

Незнакомец молчал, перебирая струны.

– И? – спросил, наконец, я, – что за разговор? Полагаю, что я попал сюда не случайно?.

– Да нет же, – ответил мой собеседник, – как раз наоборот, совершенно случайно. При пространственном прыжке два заклинания, простите уж за вульгарное определение, наложились друг на друга, а в результате не сработало ни одно. Обычное дело!

– Ничего себе обычное! – усмехнулся я, – а на две половинки эти два заклинания меня не могли разорвать?

– Могли, – согласился Незнакомец, – но ведь не разорвали. И не смотрите на меня так подозрительно, я тут ни причем. Могу открыться, вы же эмпат – проверьте.

В тоже мгновение за его спиной возникло огромное красочное полотно, всё исчерченное мелкими граффити. Столь насыщенного Поля Эмоций и такого количества совершенно непонятных знаков я еще не видел. Впрочем, сколько я их видел-то – раз—два и обчелся. Но в центре этой композиции действительно сиял белоснежный Знак Правды. Еще через мгновение все знаки погасли

– А вы того, ... – запнулся я, подбирая слово, – сами их не можете рисовать?

– Этого никто не может, – усмехнувшись, ответил Незнакомец, – даже мой брат, – и, увидев мое недоумение, пояснил – вы его знаете как Папу. Полагаю, вы на него работаете?

– Э—э—э... – запнулся я, – мы с вами так недолго знакомы, знаете...

Папин Брат расхохотался.

– А вы молодец! – похвалил он, – можете, кстати, называть меня Дядя. Меня все так зовут... звали, – поправился он.

– А вы-то как сюда попали? – поинтересовался я.

Дядя не ответил. Вместо этого он снова начал перебирать струны и прямо со струн в небо стали подниматься разноцветные нити, причудливо переплетаясь между собой. Они звучали! Нежная грустная мелодия разлилась в воздухе, будто хорошее старое вино, окутывая легким туманом и наполняя воздух непередаваемым ароматом. Пахло весной, и молодостью, и первой влюбленностью; пахло давними детскими мечтами, о которых уже успел позабыть и... музыка смолкла столь же внезапно, как и началась.

Дядя отложил гитару и внимательно посмотрел на меня:

– Знаете, что такое Луна?

– Я слышал разные версии, – уклончиво ответил я.

– Луна, говоря примитивным языком, это биопроектор. Он ретранслирует энергию жиз на землю. Двадцать тысяч лет назад Папа установил его на спутнике вашей планеты, и на Земле возникла жизнь. Да, жизнь возникла 20 тысяч лет назад, а не несколько миллиардов, как утверждают ваши ученые. Беда не в том, что Луна украдена... Беда в том, что Луна выключена. И если ее не включить, то жизнь на Земле погибнет.

Дядя вздохнул и посмотрел на окружающий лес. Потом добавил:

– Нигде больше нет такого разнообразия жизни, как у вас. Посмотрите на эти сосны – это же чудо!

– Неужели всё так серьезно? – спросил я, – и...а в каких отношениях вы находитесь... э...с Семейей? Понимаете, то что вы сказали, звучит ужасно, но я вырос там, где люди обычно редко доверяют друг другу.

– У меня с Семейей разногласия, – ответил Дядя, – в первую очередь, конечно, с Папой. Но и с другими тоже. Видите, я честно отвечаю на ваши вопросы. Может, и вы все—таки ответите на кого вы работаете?

– На Ночь, – решил я.

– Значит он вообще не в курсе, – покачал головой Дядя, – что ж...я скажу вам то, чего никто из них не знает... А потом хочу сделать одно предложение. Только не отвечайте сразу, пожалуйста. Подумайте хотя бы пару часов.

– А здесь время остановлено? – поинтересовался я. тоном опытного мага.

– Здесь вообще нет времени, – улыбнулся Дядя.

Обратный ветер

Парадокс, но беспокойная жизнь часто делает человека очень и очень спокойным. Наверное, дело в привычке: живя у железной дороги, перестаешь слышать проезжающие поезда. Где бы не останавливалась на ночлег Ночь за свою долгую по человеческим меркам жизнь – в древнегреческом мегароне с видом на Парфенон или в сибирской хрущевке с видом на пивной ларек – Беспокойная Тропа всегда ждала ее сразу за порогом. А иногда осторожно приоткрывала дверь и заползала прямиком в дом.

Вот и сейчас все пошло вкривь и вкось.

Последнее, что она увидела глазами эмпата – его кот со странным именем Пакс, поднятый на руки. Ночь протянула за ними нить прыжка и неторопливо стала сматывать ее в клубок. Внезапно нить задрожала и начала рваться – тот конец, что находился в руках у Ночи быстро истончался и исчезал. Стремясь успеть, Ночь с силой рванула нить на себя и в комнату влетел взъерошенный и визжащий Пакс: когти выпущены, шерсть дыбом, хвост угрожающе распушен трубой. Кот шлепнулся на лапы и замер, настороженно глядя по сторонам.

В который раз Ночь пожалела, что она не эмпат: сейчас считать информацию можно было даже с кота, слишком уж он был перепуган.

«Что же случилось? – размышляла она, прохаживаясь по комнате, – кто успел вмешаться в прыжок? И какой фактор она не учла?...И где теперь эмпат? А может, это Вечер? Нет, вряд ли... Хотя там была его посланница, женщина—чтец... Вероятно, он пошел другим путем: нашел не эмпата, а мага, умеющего читать Звезды. И все—таки поговорить с ним не мешало бы, сейчас важна любая информация...»

Ночь взмахнула рукой и нарисовала в воздухе Руна Вызова.

– Вечер, отзовись! – неожиданно хриплым голосом произнесла она.

Но Вечер не отзывался. Такого просто не могло быть! Если бы Руна растаяла, значит он погасил вызов, не желая говорить. Но Руна вызова висела в воздухе и тихо вибрировала от напряжения. Она не могла найти Вечер... Это было совершенно невозможно!

Прыжки всегда давались Вечеру тяжелее, чем другим. Конечно, за исключением Утра. Тот вообще по большому счету ничего не умел, кроме Магии Манипуляций, он даже свою внешность не мог контролировать. Правда, Манипулятором Утро был превосходным: ненадолго он мог подчинить даже Ночь, не говоря уже об остальных. Сестра практически сразу чувствовала заброшенную Паутину, сам Вечер реагировал гораздо позднее, но задолго до окончания Манипуляции. Вот День – тот, кроме своего Марса не думал ни о чем. Лет триста назад он решил превзойти Старших и наладить биотранслятор на Красной планете. Дело в том, что Луна была не первой попыткой ретрансляции жизни в Солнечную Систему. Первую предпринял в незапамятные времена Дядя. Но что-то там не срослось: в результате от ретранслятора остался лишь пояс астероидов между орбитами Марса и Юпитера. Вот из этих обломков День и пытался собрать свою «игрушку». Однако, пока дела у него шли не особо: на Марсе он смог построить только каналы...

Приказав Ил срочно возвращаться, Вечер осторожно разматал нить прыжка и попытался забросить ее в нужное место. На этот раз получилось с первого раза. Довольно ухмыляясь, он почти сматал нить в клубок, когда та внезапно лопнула и оборвалась.

– Звезду тебе в горло! – мысленно выругался Вечер. Он расстроился: прыжок на этот раз выходил идеальным – не хуже, чем у Ночи – и вдруг буквально у порога... Ну да ладно, Ил должна вынырнуть где-то поблизости.

«Ага, вот и она», – подумал Вечер, услышав шум снаружи. Он резво вскочил с дивана и поспешил открыть дверь.

За дверью никого не было. Мало того, за дверью НИЧЕГО не было. Только сильный ветер... Вечер почувствовал, как его вытягивает из дома в пустоту. В отчаянии он стал чертить в воздухе одну Руну за другой, но те не успевали оформиться – их просто сдувало. Держась из последних сил, Вечер выкрикивал первые пришедшие на ум защитные заклинания, но едва рождаясь, звук тут же затихал.

Наконец, последние защитные барьеры рухнули, и Вечер исчез.

Ночь стерла одну Руну и нарисовала другую. Она вызывала День. Ответа не было. Еще один взмах руки – Руна Утра – и снова никакого ответа!

Улица по—прежнему была безлюдной, словно все обитатели Золотой Свалки сговорились именно сегодня ни в коем случае не выходить из дома. Откуда-то издали, с объездной городской дороги ветер принес звук автомобильного сигнала, выронил его возле «Вшивой собаки» и тут же увлекся игрой с обрывком старой пожелтевшей газеты. Обрывок легко взмыл вверх, стряхнул с себя сухую дорожную пыль и, стремительно вращаясь, полетел прочь...

Капризный мальчишка лет семи, готовый вот—вот разревется от обиды – так сейчас со стороны выглядел Утро – насупившись, посмотрел на брата и плаксиво спросил:

– Ну и где же они?

День почесал затылок, наморщил широкий лоб и картинно развел руками:

– Да не знаю я! Нитка оборвалась и пропала! Понятия не имею, куда их вынесло!

Обрывок газеты плавно скользнул на землю, не пролетев и десятка метров, а легкий игривый ветерок вдруг испуганно присвистнул и пропал. А затем в одно мгновение другой ветер – серьезный и жесткий – вырос высотой с девятиэтажный дом и с ураганной силой стал закручивать воронку вокруг братьев. Утро исчез сразу, не успев даже понять, что происходит. День на ногах устоял. Он вызвал совсем короткую нить прыжка – в несколько сантиметров – и замкнул ее в кольцо. Находясь в прыжке, День просто застыл на месте и стал неуязвим для стихии. Обратный ветер разочарованно выдохнул и стал понемногу стихать, но тут на краю воронки неожиданно появился Утро.

– Помоги мне!! – отчаянно закричал он.

Не раздумывая, День разомкнул кольцо и метнул нить прыжка к брату. И этого мгновения оказалось достаточно, чтобы Обратный Ветер сорвал его с места и утащил за собой...

Дверь резко распахнулась, словно кто-то снаружи пнул ее от всей души. Из угла комнаты вынырнул Плащ и стал угрожающе раздуваться, напоминая грозовую тучу. Ворвавшийся в комнату Обратный Ветер неудержимо рвал его, но Плащ бесстрашно прикрывал Хозяйку, пока та готовила нить прыжка. Ночь прицелкнула пальцами и выкрикнув Слово, исчезла вместе со своим защитником. Обратный Ветер еще несколько минут разочарованно кружил по дому, однако все тише и тише. В конце концов, он успокоился и затих...

Хаврошин

Больше всего в своем огромном доме Федя Хаврошин любил кухню. Двадцать восемь квадратов, три холодильника – все под завязку набиты едой, домашний кинотеатр в углу, стол на шестнадцать персон с высокими, в английском стиле, стульями и большое – от пола до потолка – окно во двор. Вечерами Федору нравилось смотреть здесь американские боевики, запивая погони и перестрелки баночным пивом и заедаая курицей—гриль страстные поцелуи и пылкие любовные признания импортных киногероев.

Кроме боевиков, он обожал незатейливый американский юмор. Здесь, на кухне можно было перестать быть крутым и просто от души погоготать, пересматривая особо понравившиеся сцены по нескольку раз. Здесь не нужно было думать и принимать какие-то решения, здесь была его территория, куда он не допускал никого. Нет, конечно, у него в доме бывали и гости, и пьянки, и женщины, но это так... похвастаться обстановкой, развеять накопившую скуку, сбросить напряжение...

Сегодня он вернулся домой поздно, загнал тачку во двор, выгрузил пару ящиков баночного пива и намерен был как следует отдохнуть после тяжелого трудового дня. Следовало, однако, сначала сделать пару звонков. Федя уместил свои 120 кило на любимый «двойной стул» – спецзаказ у знакомых мебельщиков – осушил одним глотком банку пива, достал бумажку с записанным телефоном и набрал номер.

– Селена? Здорово! Это Хаврошин говорит. Кто такой? «Пельмени Хаврошина» знаешь? Ну в любом магазине есть. Это я их выпускаю, там на них мой портрет нарисован! Какая свинья? Какая свинья к черту, это какие-то придурки делают, херня твоя свинья. На моих – мой портрет, в этой ...как ее..дизайн – студии заказывал. Короче! Я по поручению господина Анисимова звоню. Он? Он – астроном вроде. Ну это... как... менеджер по звездам, сечешь? Ну да... Мы согласны на эти бабки. Да, тока за наводку. Не на водку! За водку..тьфу... за на... Короче, слышь, Селена: сдаешь нам бомбера, у которого товар, получаешь свои бабки. Ну, лады. Лады, говорю. Ща партнеру позвоню, потом тебе место встречи скажу. Ну, покедова...

Федя отложил трубу на стол, вытер пот со лба, осушил очередную банку, потянулся было за пультом, но передумал и снова набрал номер.

– Алё, Анисим? Ну, уболтал я бабу эту, как её... Селену. Наводку дает. Да не на водку! А за... тьфу ты, привязались оба... Бомбера она нам сдаст! Ну да... ага... Какая соседка? Которая цветы разводит? Ну не знаю, у меня одна соседка... Ил зовут. Ну да она похоже... Чего она читает? Блин, Анисим, ты чё с дуба рухнул? Читают газеты! Ну эти еще... как их... буквари. Да иди ты... Ну дома, наверное, свет вон горит в доме. А какого мне к ней идти? Да ты мне еще за прошлый месяц не отстегнул, я чё тебе лох за так пахать? Скока? Да я на пельменях больше имею. Ну, это еще ладно, обсудим. Так о чем я с ней... Куда везти? Так она откажется, мне что силком тащить? Она ж того... соседка! Чего? Как это заинтересовать? Денег что ли дать? Не, Анисим, ты и прям того что ли? Какой идиот не знает, где Луна находится! А чего мне к нему подходить, у меня оно от пола до потолка! Ну гляжу... ну нет, да... Да это ж ты астроном, я откуда знаю где... Блин, уверен он. Ну ладно, хоккей—окей, так и скажу, уломал языкастый. Так куда везти? А хату свою спалишь? Понятно... Ага... А с Селеной что? Туда же? Не въезжаю я, Анисим, кто там кого читать станет, но обе бабы будут у тебя, обещаю. Понял я, понял! Дай пива хоть глотнуть, с утра сушняк давит. Всё, Анисим, уже иду к Ил, уже звоню Селене.. Да понял я, блин ну ты и зануда! Короче, я тебе баб – ты мне бабки и оба в мармеладе. Покедова!

Федя отбросил трубу, с тоской посмотрел на выключенный кинотеатр, рассовал по карманам пару банок пива и направился к дому Ил.

Дверь дома оказалась приоткрытой, Федя задумчиво остановился, затем все—таки постучал. Ответа не было. Он постучал еще раз. Снова тишина. Тогда он заглянул в дверь и громко крикнул:

– Эй, соседка!

Ему опять никто не ответил. Он решительно вошел в дом и, не снимая кроссовок, двинулся в гостиную. На спинке кресла сидела кошка и внимательно, как-то совсем по—человечески смотрела на него. Феде даже стало не по себе от такого взгляда.

– Брысь ты, скотина, – рыкнул он и стал неторопливо осматривать комнату, – ну и живут люди, – недоуменно покачал головой Хаврошин, – книги, книги... книжную лавку можно открыть... она что же все это читает что ли?

Кыш прыгнула с кресла, прошла мимо незваного гостя, и ее глаза из зеленых вдруг стали золотистыми. Кошка запрыгнула на оконный подоконник и по—прежнему не сводила взгляда с Хаврошина. Движения его стали замедляться. Он стал похож на большую толстую заводную куклу: неуклюже повернувшись и, осторожно переставляя ноги, вышел из комнаты, затем из дома, прикрыл за собой дверь и по тропинке между грядками вернулся к себе. Затем проследовал напрямик на кухню, машинально выпил еще пива и только тут очнулся.

– Что это было? – недоумевая, спросил он, – заснул я что ли? Наваждение какое-то, блин. Ну и дом у этой Ил! Да и на фиг. Все равно ее там нет. Так сейчас и сообщу Анисиму.

Но сообщить он ничего не успел – во дворе громко звякнул колокольчик, и в калитку вошла Ил. В свете мощного фонаря, освещавшего оба двора с крыши хаврошинского дома, было видно, что женщина одета в какое-то странное темное платье и идет, прихрамывая и спотыкаясь...

Дом в сосновом бору

Какой враг наиболее опасен? Сильный? Против Силы есть Ум. Умный? Против Ума есть Сила. Имеющий Деньги, обладающий Властью? На большие деньги найдутся еще бóльшие, а власть вообще понятие довольно хрупкое. Самый опасный враг – это обаятельный враг. Против обаяния не помогут ни власть, ни деньги, ни сила, ни ум. Ибо обаяние лишает тебя главного оружия – решимости биться с врагом.

Я так и не понял: враг мне Дядя или нет, но его обаяние уже влияло на мои решения.

Смутное ощущение незавершенности этого места по—прежнему не давало мне покоя. Это было похоже на неоконченную картину, словно Илья Репин тщательнейшим образом нарисовал и бурлаков, и корабль, который они тянут, и каждую веревку до последнего волоска на ней, а вот Волгу пририсовать запамятовал. Этакий пейзаж—караоке.

– У меня странное чувство, – осматриваясь вокруг, заявил я, – словно здесь чего-то не хватает.

– Чего же? – слегка удивился Дядя.

– Знаете, это какое-то болезненное ощущение. Как будто ноготь надломился и постоянно мешает: так и хочется его отрезать, а нечем. Хочешь подумать о чем-то ином, а все время возвращаешься мыслями к этому ногтю.

– И чего же, все—таки не хватает?

– Вы будете смеяться, – смущенно произнес я, – но здесь не хватает дома. Вот должен быть дом, а вместо него пустота какая-то.

– Смеяться я не буду, – Дядя изумленно уставился на меня своими небесно—голубыми глазами, – более того, я попрошу вас описать этот ваш недостающий дом.

– Ну, двухэтажный, деревянный, со всякими резными финтифлюшками для украшения, первый этаж – гостиная и две небольших комнаты, второй этаж – одна большая комната с двумя окнами в разные стороны... да, и с двумя балконами. На один ведет лестница прямо с улицы, иного входа на этаж нет... Еще большая веранда, увитая зеленым плющом,... – странно, но дом стоял перед моим внутренним взором как настоящий, я даже различал, что одна из ступенек лестницы сломана.

На этот раз Дядя удивился по—настоящему. Да что там! Нисколько не преувеличиваю – он был потрясен. Зачем-то обошел вокруг меня, потом помотал головой из стороны в сторону и, наконец, произнес:

– Вы, конечно, сильный эмпат. Видимо, от какой-то центральной линии, на которую не сильно подействовали разбавленные браки. Но, звезды меня побери, никто еще на моей памяти не мог почувствовать этот Дом. Да, дом действительно есть, сейчас вы его увидите, – и он резко провел раскрытой ладонью перед моим лицом.

Тут же из ниоткуда появился Дом.. Теперь был потрясен я. И куда сильнее, чем Дядя. Этот Дом – я просто не могу произносить его название с маленькой буквы – был точь—в-точь таким, каким я его описал. А на открытой незастекленной веранде за маленьким разноцветным столиком восседал пожилой китаец.. Что это китаец я понял сразу – кто еще может так увлечься маджонгом, что даже не повернуть головы к неожиданно появившимся гостям.

Через стол от азиата на мягкой высокой табуретке сидел серый сибирский кот, такой худой и облезлый, что только репьев в шерсти не хватало, чтобы наглядно проиллюстрировать эпитет «драный».

– Подойдем, – предложил Дядя, – сейчас я вас познакомлю с Ван Цзе и...

– Цзе? – перебил я его, – неужели из тех Цзе, которые...

– Прямой потомок! – с гордостью подтвердил Дядя.

Насколько мне было известно, примерно три тысячи лет назад рыбак Цзе изобрел игру в манджонг, чтобы отвлекать сознание рыбаков, выходящих в море от мешавшей им качки. Игра эта нечто вроде «домино наоборот». Из пирамиды из 108 костей нужно было убирать пары с одинаковым изображением. С тех пор, маджонг значительно эволюционировал... Ночь меня убила бы за это слово!... и распространился по всему свету. Некий генерал Чен Ю Мунь, отряду которого поручили ловить бандитов в далекой провинции Нин—По, никак не мог заставить своих солдат бодрствовать во время ночных дежурств. И бил их бамбуковыми палками, и ругал последними китайскими словами, и поощрял — ничего не помогало. Тогда он в приказном порядке заставил их по ночам играть в маджонг. Какое-то время игра удерживала внимание солдат, но потом они все равно засыпали. И тогда мудрый генерал пришел к выводу, что сознание современного человека стало более изощренным, и решил усложнить игру. Он ввел новые карточки, обозначающие цвета и стороны света (север, юг, восток и запад). С тех пор солдаты, забывая о сне, а иногда и о пище, дни и ночи напролет резались в маджонг. Не знаю, сколько уж они там выловили бандитов при таком повальном увлечении, но сам генерал запомнился капризной даме Истории не столько своими военными подвигами, сколько как реорганизатор маджонга.

Тем временем мы поднялись на веранду и подошли к игровому столику. Дядя открыл рот, чтобы привлечь внимание китайца, но сказать ничего не успел.

— И не надейся, — не поднимая головы от пирамиды из костей, тихо произнес тот, — я вас сразу же заметил.

Дядя закрыл рот, напустил на себя шутливо—разочарованный вид и картинно развел руками. Китаец убрал из пирамиды пару костей, с довольным видом посмотрел на кота и лишь потом перевел взгляд на нас.

— Здравствуйте, — обратился он ко мне, — давненько я не видел хорошего эмпата. А вы — хороший эмпат. Только еще ничего не умеете. Но это дело времени. Меня зовут Ван Цзе и я вижу, что вас мучает какой-то вопрос. Не стесняйтесь, спрашивайте.

— Скажите, — улыбаясь, обратился я к нему. Этот китаец мне сразу понравился, — но ведь в маджонг играют четвером, верно? А вы что же, один за всех?

— Я только за себя, — вернул мне улыбку Ван Цзе, — за остальных троих играет он.

— Кто? — не понял я, вертя головой в поисках вундеркинда, умудряющегося играть в маджонг за троих.

Цзе указал рукой на кота. Нет! Цзе ПОЧТИТЕЛЬНО указал рукой на Кота. Я вытаращил глаза. И снова нет! Я совершенно непочтительно вытаращил глаза на загадочное животное.

— Что вы знаете о кошках? — неожиданно спросил Цзе.

— Ну... всего сутки назад я считал, что знаю довольно много, — сознался я, — а вчера мне сообщили, что создавший здесь всё и вся Папа, их вовсе не создавал и появились они не понять откуда. А только что увидел, как коты в маджонг играют.

— Это Папа появился не понять откуда, — поморщился Цзе, — а коты здесь жили тут задолго до него. Не на Земле я имею ввиду, вернее не только на Земле, но вообще в Солнечной системе.

— Не понимаю, — возразил я, — как это они жили? Ходили, махая пушистыми хвостами, от планеты к планете? Строили неопознанные кошачьи летающие объекты? Точили когти о кольца Сатурна?

— Вы зря иронизируете, — вид у Цзе стал слегка недовольным, — земной облик кошек всего лишь способ мимикрии к окружающей действительности. А их истинный облик человеческим органам восприятия не доступен. Когда пришли Странники, — Цзе кивнул в сторону Дяди, — ...

— А откуда вы пришли? — обратился я к Дяде и только тут понял, что невежливо перебиваю хозяина, — ой, извините, опять мое проклятое любопытство! Всю жизнь от него страдаю...

– Не извиняйтесь, – снисходительно успокоил меня Цзе, – нелюбопытных эмпатов не бывает.

– Так откуда вы пришли? – снова обратился я к Дяде, – вы представители какой-то развитой космической цивилизации?

Дядя заливисто расхохотался.

– Мы – изгои достаточно далекой и хреновой, извиняюсь за выражение, космической... впрочем, даже не цивилизации, а так... – он неопределенно помахал в воздухе рукой и продолжил, – мы долго скитались и, наконец, нашли место, где можно было создать свой мир. Такой, где хотелось бы жить, а не выживать. Первым попробовал я, выбрав сразу два объекта – Марс и Юпитер. К сожалению, моя попытка не удалась. Зато удалась – и тоже к сожалению – попытка моего брата. Я вижу недовольство на вашем лице и прекрасно понимаю его. Но согласитесь, ваш мир ужасающе далек от идеала. В его основу заложен принцип конкуренции, причем не только среди людей, но среди всего живого на планете: людей, животных и даже растений. Сильный поедает слабого во всех смыслах: от кулинарного до философского.

– А вы, значит, мечтали создать идеальный мир? – язвительно возразил я, – и кто там должен был жить? Послушные роботы? Дауны с мозгом медузы? Безвольные куклы, готовые выполнить любой ваш каприз?

– Да Звезды с вами! – замахал руками Дядя, – ничего я такого не хотел. Без свободы воли жизнь принципиально невозможна. Ну да ладно. Что сделано, то сделано. Но, создав ваш мир, мы обнаружили, что не одни здесь. Есть еще коты.

– Позвольте теперь представить вас Правителю, – почтительно произнес Цзе и поклонился в сторону того самого «драного кота», – через меня он сам будет говорить с вами, – и продолжил с совершенно иной интонацией, – обойдемся без приветствий, эмпат. У нас это не принято. Вы когда-нибудь держали дома кота?

– У меня и сейчас живет сиамский кот, – неуверенно произнес я, все еще с трудом осознавая, что разговариваю с каким-то там царем... императором... вообще, главной шишкой всех земных кошек, – его Пакс зовут, – зачем-то добавил я.

– Пакс? Не знаю такого. Видимо, первая—вторая жизнь. Таких подавляющее большинство. Дело в том, эмпат, что мы попали в ловушку. Когда развился этот мир, мы пришли сюда в нынешнем облике. Наша численность значительно – очень значительно! – увеличилась. Но у всякого явления есть и обратная сторона. Мы стали гораздо медленнее проходить уровни... Сытая жизнь усложняет развитие – один из универсальных законов Вселенной. Менять свой облик кошки могут лишь с шестого—седьмого уровня, когда обретают свою звездную сущность. А таких очень мало. Поэтому, если жизнь на Земле погибнет, погибнем и мы. Как популяция.

– Никак не пойму, причем тут я? Я – простой человек, пусть и эмпат, как вы говорите. Чем я-то могу помочь? И сколько там осталось? Меньше суток?

– Кто это вам сказал? – удивился Главный кот.

– Э... – я решил, что записаться уже не зачем, – Ночь.

– Ерунда, – кот махнул хвостом, китаец совершенно синхронно с ним рукой, – так быстро только мы родимся, – на губах китайца мелькнула мимолетная улыбка, – Мир будет меняться постепенно. У нас еще есть несколько месяцев до того, как изменения станут необратимы.

– Значит, нужно узнать кто совершил... кто похитил этот биоприбор... то есть Луну? Это ведь какие-то ...непростые люди... или не люди, – я совершенно запутался в сочиняемой словесной конструкции, но кот меня понял.

– Кто похитил, мы знаем, – вздохнул китаец, немного помолчал, глядя на кота и продолжил, – сейчас я вам сообщу то, что кроме котов и присутствующих здесь, не знает никто. До прихода Странников мы жили здесь не одни. и вовсе не спокойно. Мы вели войну, и наши враги тоже пришли во вновь созданный мир. Они попались в ту же ловушку, но для них это

не важно. Получив шанс нас уничтожить, они сделают это любой ценой. А то, что спасутся из них лишь немногие, это их не волнует. Но действуют они чужими руками – и в этом наш шанс! Эта планета должна принадлежать Кошкам! – лицо китайца на мгновение стало хищным, но тут же смягчилось, и он тихо добавил, – ну и людям, естественно.

– Ваши враги? – я уже стал уставать от потока новой информации. Не просто новой, а ломавшей все представления об окружающем мире! – и кто же они? И почему мы ничего не знаем об этой войне?

– Не только знаете! – кот выпустил когти, и на лице китайца снова появилась злость, – вы сами терпеть не можете наших врагов. Инстинктивно боитесь их и ненавидите! По крайней мере, самые чуткие из вас – женщины.

– Ты кто же эти коварные враги?! – нетерпеливо воскликнул я.

– Мыши!

Серая атака

В Тавдинских пещерах стояла тишина. Сейчас их не тревожила ни усталая скороговорка гидов, ни любопытные взгляды туристов, ни тихое клацанье цифровых фотокамер. Когда-то здесь жила Тавда, оставшаяся в легендах алтайцев злой и жадной ханшей, прятанной свои несметные сокровища в пещерах под охранной Лунного Соболя. Странная это штука – легенды. Они похожи на древних старух, путающих имена и события. Единственным сокровищем Талды – а не Тавды – была странная бытовая магия, позволявшая ей всегда быть сытой и одетой в те непростые и довольно бедные времена. Иногда к ней приходили очень необычные люди, именовавшие себя Странниками и говорившие на каком-то незнакомом наречии. Вместе с хозяйкой они шли в древние пещеры, но возвращалась Странница всегда одна. А еще у нее жил необычный маленький зверь – Талда называла его хмельком – умевший исчезать прямо на глазах и неожиданно появляться за спиной. Так продолжалось долгие годы, и уже старики не помнили, когда поселилась рядом с их деревней Старая Ведьма Талда. Пока однажды на закате к ней не прискакал усталый запыленный всадник и не увез с собой навсегда...

В глубине гор – там, куда еще не проникли вездесущие археологи – в одной из тайных пещер Странников, внезапно возникло звездное сияние, и из пустоты появилась Ночь.

Она облегченно вздохнула, сумев в последний момент уйти от Обратного Ветра. Но практически сразу на нее обрушился ментальный удар страшной силы. Остатки защитных заклинаний, еще окружавшие женщину, спасли ее и на этот раз. Однако сила удара была такова, что Ночь бросило через всю пещеру и больно ударило головой о стену. И тут же ее начала окутывать тускло светящаяся сеть. Взмахнув руками, Странница выпустила рой ярких звездочек – и сеть перестала существовать. Только тут Ночь заметила несколько фигур в серых капюшонах, синхронно творящих неизвестное ей заклинание. Она резко выкрикнула Слово Маленькой Тьмы, и серые фигурки погрузились в плотные туманные коконы. Это был любимый боевой прием Ночи: тучки—коконы выкачивали жизнь врага, увеличиваясь в размерах до тех пор, пока враг имел силы сопротивляться.

– А где же Плащ? – внезапно подумала Странница, – куда он запропастился?

Она была уверена, что ушла в Прыжок вместе с ним. Но в пещере Плаща не было.

Ночь посмотрела на поверженных врагов и не поверила своим глазам: вместо того, чтобы расти, коконы тьмы стали быстро уменьшаться, как будто это не они, а из них выкачивали энергию.

– Кто это такие?! – в панике подумала Ночь, – этого же просто не может быть!

Тем временем Серые капюшоны полностью освободились и с прежней силой атаковали ее сознание. Ночь поставила самый сильный барьер, на который была способна, но и он едва выдерживал бесконечные удары какой-то злой и незнакомой Силы. Странница не понимала

природы их заклинаний и уже не могла атаковать, все ее силы уходили теперь на поддержание барьера. Инстинктивно она опустила руку в карман и нащупала какую-то ниточку.

– Нить неоконченного прыжка, – подумала Ночь, – откуда она взялась?

Не понимая, зачем она это делает, Странница потянула нить на себя, и через секунду в пещеру влетел Пакс. Приземлившись на лапы, кот рассерженно мяукнул, резко повернулся к Серым капюшонам и широко раскрыл глаза, уставившись на них в упор. Несколько секунд Пакс молча сверлил взглядом противника, а затем истошно завопил и стремительно бросился в атаку. Существа в капюшонах дрогнули. Раздалось несколько громких хлопков, и с каждым из них исчезал очередной враг. Наконец, кроме Ночи и Пакса, в пещере никого не осталось. Странница подошла к коту, устало опустила на корточки и нежно погладила своего спасителя. Пакс не возражал, хотя чужих не любил. До сих пор он признавал только эмпата, пару лет назад подобравшего его котенком в Мусорном лесу, как именовали местные жители несколько небольших березовых околков возле Золотой свалки. Эмпат назвал котенка Паксипилианом Пакотом, но быстро понял, что рискует сломать свой длинный язык и сократил имя до минимума. Нельзя сказать, что Пакс вырос особо драчливым, но спуску не давал никому, даже собакам.

– Страшнее кошки зверя нет, – этими словами эмпат встречал своего гордо вышагивающего кота после очередной дворовой разборки. И кот, казалось, отлично понимал его, начиная удовлетворенно мурлыкать.

– Страшнее кошек нет зверей, – вдруг ласково произнесла Ночь и поднялась на ноги, – ну что, мой гладиатор, пора двигаться дальше...

Сторожи Морока

Конопатый подросток лет четырнадцати, рыжий и нескладный, приоткрыл один глаз и украдкой стал осматриваться вокруг. Влажные ключья тумана на серой простыне дня, крепкие железные прутья клетки и пробирающий насквозь холод бетонного пола... Ага, вон и братец День неторопливо прохаживается вдоль решетки, зябко поеживаясь в своем легком летнем костюмчике. О! И Вечер здесь! Этот нервничает. Со стороны и не скажешь, но Утро – это он очнулся подростком – очень хорошо знал повадки брата. Вот чуть нахмурился лоб, вот почти незаметно дернулся уголок рта, вот рука теребит свитер на груди.

Утро распахнул глаза и легко вскочил на ноги. Критически посмотрел на свои помятые брюки, подчеркнуто серьезно отряхнул их от пыли и лишь затем повернулся к брату.

– Привет, Вечерок! – ухмыльнулся Утро, решив, что будет косить под дурачка, пока не разберется в ситуации, – и куда это нас занесло?

– Не знаю, – буркнул в ответ брат: он терпеть не мог, когда его называли Вечерком.

– Уже часа два как мы в плену! – с некоторой даже гордостью сообщил подошедший День, – и что самое хреновое – ничего поделаться нельзя! Сила звезд не действует.... Ты что-нибудь помнишь?

– Ну... – нахмурился Утро, – поднялся сильный ураган....а потом не помню.

– Это был Обратный ветер... сильная штука! – День болезненно передернул плечами, – мне вот не понятно, кто настолько силен, что сумел с ним договориться?

– А что это за смутные тени мелькают? – крутя головой по сторонам, громко спросил Утро, – может с ними можно договориться? Разговаривать пробовали?

– Полчаса орали – никакого толка! – раздраженно бросил Вечер.

– Не хотят говорить и не надо! – убежденно проговорил Утро, повышая голос еще громче, – читал я про эти Смутные Тени: что за сущности такие, откуда взялись, уязвимые места...

Не успел Утро закончить свою тираду, как к клетке метнулись две Тени и, перебивая одна другую, прошипели:

– Где ты про нас читал?!!

– Ты не мог про нас читать, Странник!

– Про нас нет книг!

– Говори, что ты знаешь о нас!

Вечер и День одновременно вытаращили от удивления глаза.

– Да не мельтешите! – спокойно отмахнулся от Теней Утро. – есть про вас книги. Не верите? Сейчас припомню, что там про вас... ага! Вы – лучшие из сторожей. Так сторожить, как вы, не может никто.

К клетке стали подтягиваться другие Тени, внимательно разглядывая говорившего. А его облик разительно менялся: это был уже не угловатый подросток, стыдливо краснеющий по поводу и без...это был мачо, от скуки соблазняющий деревенскую простушку.

– Верно он говорит, мы – лучшие из Сторожей! – послышался шепот среди Теней, – от нас никто не может сбежать. Неужели он где-то прочитал про нас?!

– Где?

– Странник, что за книгу ты читал?

– Странник, у кого хранится эта книга?

– Что ты еще знаешь о нас?

Братья, сообразив, что Утро ведет какую-то свою игру, расположились неподалеку, напряженно ловя каждое слово.

– Ну, – как бы нехотя продолжал Утро, – я много чего о вас знаю. Обычно вы строите для пленников большие железные клетки, из которых им по своей воле ни за что не выйти. Но главное ваше оружие – вот этот туман. Не знаю, как вы его называете, но в книге он именовался ...э... по—моему, Пустотой. В нем невозможно ...как бы это попроще... вообще колдовать здесь нельзя!

– Морок! Он знает про Морок!

– Вот—вот, – хлопнул себя ладонью по лбу Утро, – не Пустота, а Морок! Точно, так он и называется. Еще описано, как его преодолеть можно. Кстати, очень простой способ, оказывается.

Теперь уже все Тени колыхались перед клеткой, внимая Утру. Одни настороженно перешептывались между собой, другие громко шипели, выражая свое несогласие с услышанным.

– Не может быть!

– Ты лжешь, Странник, против Морока нет защиты!

– Морок нельзя преодолеть!

– Любой Морок, – наставительно поднял вверх палец Утро, – даже самый сильный, можно запросто развеять, если у тебя есть хотя бы маленькая частичка звезд из другой галактики. Вот хотя бы такая, – Утро полез в карман, вытащил оттуда сжатую в кулак ладонь и раскрыл ее, – не зря меня Папа заставлял всегда носить ее с собой!

– Ничего не вижу!

– Ложь! У тебя ничего нет!

– Твоя ладонь пуста, Странник!

– Конечно, вы ничего не видите, – кивнул головой Утро и с нежностью посмотрел на раскрытую ладонь. – Вам же Морок мешает. Ну вот ты, – Утро ткнул в первую попавшуюся Тень, – приподними чуть—чуть Морок, увидишь и другим расскажешь.

Тень, которую выбрал Утро, чуть поколебалась, затем издала странный шипящий звук, и в пелене тумана появилось крошечное отверстие, сквозь которое тотчас проник солнечный свет. За мгновение до этого, День выбросил нити Прыжка, зацепил ими братьев и как только увидел разрыв Морока, тут же ушел вместе с ними в Прыжок....

...Над братьями ярко сияло Солнце, а вокруг стояли высокие сосны, величественно покачивая зелеными игольчатыми кронами. Где-то вдалеке застучал дятел, и тут же ему ответил другой – еще быстрее, еще упрямее. Маленький игривый ветерок всколыхнул волосы Странников, стремясь понять кто же это пожаловал в гости. И тотчас растаял, пропал, улетел разносить свою новость рябиновым гроздьям и сплетникам—дятлам.

– Звезды тебя подери, откуда ты узнал про этих Стражников?! – с уважением уставился на брата Вечер.

– Про кого? – лениво переспросил тот, с наслаждением опускаясь на мягкую зелень травы, – а!...да я вообще про них ни фига не знал.

– Но ты же назвал их Стражниками? – удивился Вечер.

– Ну.. сторожили они нас, – пояснил Утро, – значит Стражники. Чего тут непонятного? Давайте лучше определяться, куда мы попали!

Слуга Всех Мышей

Квартира, куда привез Ил Хаврошин, оказалась маленькой однокомнатной конурой на первом этаже хрущевки. Обстановка здесь была скудной и какой-то серой. Не по цвету, а... Ил не могла точно сформулировать... по ощущению что ли.

Анисимов – так представился хозяин – старался быть любезным. Усадил Ил на маленький пуфик, рассыпался в извинениях, исчез на несколько минут на крошечной кухоньке и принес оттуда свежесваренный и очень ароматный напиток.

Прочитать Анисимова ей не удалось: никакой информации о нем связь не имела. Ил чувствовала себя крайне неудобно, хозяин квартиры отчего-то внушал ей страх. Выглядел он живописно: густые серые волосы до плеч, вокруг глаз накрашены огромные ярко—синие круги, длинный прямой нос, огромные уши, белые подтяжки на черной футболке с коротким рукавом. И руки: длинные, худые, все в непонятных и отталкивающих татуировках. Но дело было вовсе не во внешности – это был инстинктивный страх. Так боятся змей, даже самых спокойных и безобидных.

Впрочем, Анисимов уверил ее в полной безопасности и абсолютной свободе: хоть сейчас можете отправляться домой! Но очень просил его выслушать, прежде чем принять какое-то решение.

Что еще раздражало Ил в хозяине квартиры, так это привычка говорить во множественном числе. Для него не существовало местоимения «я» – только «мы».

– Мы многое знаем о вас, – хозяин старался говорить как можно мягче, но это давалось ему с трудом, – вы умеете читать Звезды, этому вас, видимо, Вечер научил, да? Кстати, что вы о нем... вернее, о них знаете? Вы же спрашивали Звезды?

– О них нет информации, – ответила Ил, – вернее она заблокирована.

– Ах, ну да! – иронически воскликнул Анисимов, – тайна на тайне, куда там... Они – Странники, их выгнали из родного дома... за хорошие поступки не выгоняют, верно ведь? Скитались они, значит, скитались и набрали на это чудесное местечко. И решили осесть. Да только место было уже занято, а эти могучие колдуны и не заметили!

– Простите, я не совсем понимаю, – напряженно поинтересовалась Ил, – вы здесь жили до Странников, так? Но кто вы?

– Мы – аборигены. Наши пращуры создали эту Систему – в незапамятные времена они сумели зажечь Солнце! А это вам не Луна какая-нибудь! Это Солнце!

– Но выглядите вы... – Ил запнулась, но все—таки продолжила, – как люди? Или все—таки иначе?

– Мы выглядим по—разному, – ушел от прямого ответа Анисимов, – я чувствую, что у вас дома есть кошка, верно?

– Да, – недоуменно ответила Ил, – а...

– Что вы о них знаете? Знаете, что их создали не Странники?

– Да, – снова согласилась Ил.

– И вы, конечно, ее любите? – Анисимова передернуло от отвращения, – не отвечайте, и так ясно. Не надеюсь вас сразу переубедить, ведь пока человек любит хоть одну кошку – он – слеп! Не возражайте! Выслушайте до конца. Нет более лживых существ, чем кошки! Они тоже пришельцы, но только гораздо более ранние. Когда-то эта система принадлежала только нам, ее создателям! Но потом пришли кошки и принялись уничтожать нас. Убивали стариков и пожирали детей. Знаете любимую забаву этих монстров? Они любят играть с жертвой, перед тем как ее убить! Они наслаждаются процессом! Они утопили Солнечную систему в нашей крови! От некогда многочисленной и могучей расы оставались жалкие крохи на дальних планетах —Уране, Плутоне... В это время и пожаловали Странники. Мы даже благодарны им, ведь,

в сущности, они спасли нам жизнь. Самое смешное, что Странники вообще о нас не знают! Но теперь все изменилось. Мы возродились. Нас много, очень много! Не буду скрывать, для нас нет более ненавистного врага, чем кошки. И теперь мы готовы к решающей битве. Были готовы... Знаете, что такое Луна?

– Я знаю, что ее похитили, – эмоциональная речь Анисимова не убедила Ил, но произвела на нее впечатление. Ей было жаль невинных детишек, умиравших в какой-то непонятной и бесконечной войне. А вслед за жалостью ушел и страх. Анисимов ей по-прежнему не нравился, но она его больше не боялась. Странно, да? Стоит посочувствовать врагу – и он уже становится как бы не совсем враг... скорее противник.

– От Луны зависит жизнь на Земле. Вся жизнь! Ваша, ваших родных и близких, зверей, растений, даже рек и гор! Я знаю, что не убедил вас, но единственные, кто не проиграют от похищения Луны – это кошки! Почувствовав, что решающий бой близок, они похитили Луну и готовы пожертвовать целой планетой, лишь бы уничтожить нас! И вами готовы пожертвовать, между прочим! Им-то хоть бы хны, сбросят свои пушистые личины и отправятся путешествовать меж звезд. А вы – погибнете. И мы погибнем. Нас много, но лишь единицы могут менять свою сущность.

– Я не верю вам, – резко сказала Ил, поднимаясь на ноги, – это просто выдумки! Гибель Земли, кошки, гуляющие между звезд. Бред какой-то! Вы обещали меня отпустить? Я уйду!

– Я действительно не буду вас задерживать. Но прошу вас, погодите! Сейчас ваш смешной жадный сосед привезет некую Селену. Она знает, по крайней мере, одного похитителя. Помогите нам – прочитайте ее! И можете сами решать, рассказывать нам о том, что вы узнаете от нее или нет...

Ил вздохнула, опустилась обратно на пуф и попросила:

– Принесите мне еще чаю, пожалуйста.

Папа

Несколько лет назад, когда обида Папы на Ночь уже давным—давно улеглась, и он не выпускал ее к людям из чистого упрямства – сказал 20 лет и точка! – у них состоялся один странный разговор. Даже не разговор... Просто Папа приказал детям крепко—накрепко запомнить один адрес: страна, город, улица, дом, квартира. На самый крайний случай...

Ночь не придавала этому большого значения; и не такие причуды случались у ее Папочки! Другие – тоже. Утро вообще заявил, что не способен запомнить такие мелочи, так что не будет и пытаться. Превратился в грудного младенца и запищал, требуя соску. Вечер сделал вид, что все усвоил, а потом слинял куда-то по своим вечно таинственным делам. Хотя какая уж тут тайна: наверняка в казино подался. Разве что День отнесся серьезно: несколько месяцев ходил и тихонько бормотал этот адрес себе под нос, будто мантру.

Казалось, Ночь давным—давно все позабыла... но нет – в нужный момент память не подвела. А момент был действительно нужный. Происходили непонятные, да что там непонятные – необъяснимые события! Пропажа Луны, исчезновение братьев, неизвестные твари, пытавшиеся ее убить... А теперь и Папа не отвечал! Это невероятно, но Руна Папы была пуста!

Пятьсот километров – пустяк, один взмах руки, одно нужное слово. Если конечно, слово это знаешь чуть ли не с рождения. Но очутившись в Городе, Ночь почему-то решила добраться до неведомой ей «Лады» на обычном автобусе. Так и ехала через весь огромный мегаполис, держа на руках Пакса и задумчиво уставившись в окно. А потом долго стояла на остановке, внимательно всматриваясь в три одинаковых темно—зеленых пятиэтажки, словно не решаясь перейти улицу и подойти к ним поближе. От крайнего дома веяло холодом.. Станным нездешним неземным холодом и пустотой. Из подъездов выходили люди, громко хлопая металлическими дверями, смеялись и хмурились; какой-то подвыпивший мужик ругался по домофону, требуя немедленно пустить его домой; маленькая хрупкая старушка с трудом вытащила табуретку и уселась прямо у дверей, заняв пост дворового наблюдения....Жизнь крайнего дома ничем не отличалась от жизни любого другого дома, но... В нем поселилась Пустота, и Ночь почувствовала это.

Наконец, она перешла улицу, выбрала нужный подъезд – старушка пристально посмотрела на незнакомую женщину и что-то проворчала себе под нос – и поднялась на четвертый этаж. Нажала звонок, немного подождала, нажала еще раз.

– Кто там?

Это был папин голос!

– Папа, прекрати свои шуточки! – возмутилась Ночь. Не знает он, видите ли, кто там.

Она шагнула в открывшуюся дверь и остановилась, осматриваясь. В комнате было сильно накурено, повсюду валялись неприбранные вещи, на столе громоздилась немытая посуда, на кухне из крана громко капала вода, а Папа... Папа выглядел намного старше, чем обычно. Таким осунувшимся она его никогда не видела!

– Что-то случилось? – испуганно спросила Ночь.

– Случилось, – покачал головой Папа, – проходи, шалунья, садись. Наверное, ты сначала... или я?

– Давай я! – собралась с духом Ночь и торопливо пересказала всё, что с ней произошло. Она ожидала бури, но...

Папа сидел молча, не возмущаясь! Не ворча и не ругаясь. Звезды побери, да Папа ли это?

– Что происходит?! – начала горячиться Ночь, – Почему я не могла с тобой связаться? Да что с тобой?! Ты смотрел на себя в зеркало? Ты отвратительно выглядишь!

– Видишь ли, шалунья, – тихо ответил Папа, – нас догнали.

– Что значит догнали? – не поняла Ночь. – Кто?

Папа шумно вздохнул и выдал совершенно невероятное:

– Меня лишили Силы Звезд, теперь я просто человек. Совершенно обычный, смертный, пожилой человек. Болею, старею, хочу есть и пить... Облысеть, правда, не успел, времени мало прошло...

Ночь мимолетно улыбнулась: раз он шутит, значит, не все потеряно. Но как это лишили Силы? Папу?!!!

– В детстве ты часто просила рассказать, откуда мы пришли, но я всё отделялся шутками. Видимо, зря, – Папа немного помолчал, собираясь с мыслями, – не знаю, как тебе это объяснить... но мы пришли из Мертвого мира. Там нет жизни. Никакой! Более того, там категорически запрещена любая жизнь! Отщепенцев, вроде нас, кому нравится быть живыми – а кому, скажите, это может не понравиться! – таких отщепенцев уничтожают. Не убивают, а именно уничтожают. Навсегда! Знаешь, как это страшно – навсегда?! Из всех Странников, ушедших в Поход, остались только мы с Дядей. Всех остальных догнали и уничтожили. И твоя мать... твою мать тоже... навсегда...

У Ночи комок подступил к горлу: оказывается, у нее была Мама! Когда же она погибла? Сколько времени прошло с тех пор?

– Они сильны, – продолжал тем временем отец, – гораздо сильнее нас. Последним из Странников был мой хороший друг, осевший в двух Галактиках отсюда. Когда его нашли, он успел послать мне сообщение и кое—что еще. Слепок своих знаний. Это было несколько лет назад... Теперь Мертвые догнали и нас. Меня нашел Ку, старый знакомый... Мы были как братья, пока он не предал живых – теперь он Чистильщик. Даже поговорил со мной, прежде чем лишить Силы. Рассказывал, скольких беглецов он нашел и ухмылялся мертвыми губами. Звезды, я уже забыл, как мерзко выглядит Мертвая Улыбка. Он все болтал и болтал, а из меня уходила Сила. Уходила, и я ничего не мог поделать! Ну, почти ничего. Вместе с Силой должны были уйти и Знания, но я все—таки смог заменить их Слепком друга...

– Почему же он тебя не убил... то есть, не... ну ты понимаешь, – Ночь путалась в словах. Ей стало страшно, ей впервые в жизни стало страшно по—настоящему.

– Мы должны исчезнуть вместе с этим миром. Таков закон.

– Неужели ничего нельзя сделать? – не могла поверить Ночь, – неужели это всё?

– Почти, – ответил Папа, – почти... Ты чувствуешь Пустоту вокруг?

Шаммурамат

Ил громко вскрикнула и уронила чашку на пол. У образовавшейся зеленой лужицы недоуменно замер незаметный паучок, с удивлением разглядывая возникшее препятствие. Он пошевелил маленькими лапками, обреченно вздохнул и направился в обход, ругая Судьбу на неизвестном науке Языке Незаметных Паучков. И совершенно зря. Она только что спасла его от нелепой гибели под обломками разлетевшейся на куски фарфоровой чашки. Паучок был нужен ей – ведь он еще не соткал свою паутину.

– Что с вами? – обратился к Ил Анисимов, но тут и сам увидел ЭТО. Кухонная стена таяла, открывая очертания совершенно незнакомой квартиры. Показался большой темный коридор, и прямо из него шагнула здоровенная фигура Хаврошина. Войдя, он повернулся к бывшей стене и обвинительно выкрикнул:

– Ведьма!

Вслед за негодующим Хаврошиным в комнату легким шагом вошла невысокая женщина с восточными чертами лица.

– Селена? – вопросительно приподнял бровь Анисимов.

– Шаммурамат, – мягким грудным голосом представилась незнакомка.

– Шамма... мумма... – снова встрял Хаврошин. – Ведьма!

– Помолчи! – резко бросил ему Анисимов и, надменно наклонив голову, жестом пригласил женщину присесть.

– Это ассирийское имя? – Ил уже успела получить справку Звязи и теперь с некоторой опаской рассматривала гостью.

– Совершенно верно, – ответила та, – И не только имя. Но и древний ассирийский род, – и добавила с едва заметной ехидцей, – хорошо быть Чтицей Звезд, а?

«Да что же это такое! – возмущенно подумала Ил, – с кем ни встретишься, все про тебя знают!»

– Какого же вы рода, уважаемая Шаммурамат? – Анисимов без запинки произнес трудное имя, – я встречался в свое время с Саргоном в его городе—дворце Дур—Шаррукине. Хорошее было время! – и он едва заметно ностальгически вздохнул.

– Саргон? – презрительно фыркнула Шаммурамат, – выскочка! Мои далекие предки никогда бы не предали древнюю столицу и своего Бога Я происхожу из рода Ашурнацирапала.. – она задержала взгляд на Хаврошине и неожиданно подмигнула. Тот дернулся, инстинктивно заслоняясь рукой, а затем размашисто и неумело перекрестился.

Гостя лукаво показала ему язык, повернулась к хозяину и внезапно пронзительно запищала. Надменное лицо Анисимова вытянулось, рот в изумлении приоткрылся, обнажив мелкие острые зубки.

– Кто вы?! – с явным испугом спросил он, – откуда вы знаете НАШ язык? Вы же человек, я чувствую! Никто из людей о нас знать не может!

– Прошу прощения, – кокетливо потупив глаза, извинилась Шаммурамат, – просто демонстрация. Чтобы меня правильно воспринимали. Я расскажу о себе, если вам так интересно, но позже, у меня очень важные новости. И их должны услышать все. Не возражаете, если мы пригласим Странников? Хорошо бы и Кошек, но вы ведь не согласитесь?

– Ни за что! – с ненавистью отрезал Анисимов, – ладно, давайте Странников, но где их искать?

– О, это просто! – ответила Шаммурамат, – как вас зовут, Чтица?

– Ил.

– Красивое имя.... Видите ли, Чтица, на свете существуют не только люди. Есть еще Странники. Это...

– Я знакома со Странниками, – холодно ответила Ил: не нравилась ей эта всезнайка, – но, видимо, вам неизвестно, что информация о них закодирована!

– Ай—ай—ай, милая, не нужно на меня сердиться! Поверьте, я всегда искренне восхищалась Вашим Орденом. А код – это глупость. Если ваш род высок, а вряд ли до наших дней дожили низкие роды, вам раскроют любой код. Ну же, спросите.

Ил закрыла глаза и сосредоточилась.

– Где сейчас Вечер? – спросила она.

– Введите код доступа.

– Как он вводится?

– Назовите свое родовое имя.

– Я не знаю его, – растерянно произнесла Ил, – а вы?

– Необходимо ваше разрешение на сканирование родового имени.

– Разрешаю.

– Ваше родовое имя Эа. Доступ к информации о Странниках разрешен. Сведений о местонахождении Вечера не обнаружено.

– Черт, – выругалась вслух Ил и задала новый вопрос, – он жив?

– Да.

– Где находятся День, Утро, Ночь?

– Местонахождение первых двоих не обнаружено. Ночь находится в данном городе по улицедом...

Ил открыла глаза и посмотрела на присутствующих.

– Только Ночь, – сказала она и назвала адрес.

Шаммурамат посмотрела на стену, и та стала быстро таять. В появившейся комнате находились двое: пожилой властный господин и высокая женщина с желтыми глазами. Ни секунды не раздумывая, женщина начала выкрикивать непонятные гортанные слова.

– Постойте! – заторопился Анисимов и поднял руки раскрытыми ладонями вверх, – мы с миром! Не нужно заклинаний!

Женщина – это была Ночь – на мгновение замерла. Мужчина что-то шепнул ей на ухо и она, кивнув в ответ, шагнула к собравшимся. За Ночью неторопливо вошел Папа, внимательно разглядывая присутствующих. Стена начала восстанавливаться, и тут в комнату неожиданно прыгнул не замеченный никем Пакс.

– Уберите боевого кота!!! – в панике завизжал Анисимов.

Ночь взяла Пакса на руки и стала нежно поглаживать, успокаивая.

– Вот как, – прошептала она, – ты оказывается у нас Боевой кот!

Потом зло посмотрела на Анисимова:

– Это вы напали на меня в Тавдинских пещерах?! Я чувствую тот же запах, но не знаю его! Кто вы?

– Мышь, – хмуро ответил успокоившийся Анисимов, – мы – Мышь. А нападение... оно было ошибкой. Приношу официальные извинения от Всех Нас, – и он перевел свой взгляд на Папу, – Ну, здравствуй, Создатель. Что ж ты сразу две цивилизации не заметил на месте строительства?

– Всегда был ужасно невнимательным, – усмехнулся Папа, – но позвольте спросить, чем спровоцировано ваше нападение? Как я понимаю, Обратный Ветер тоже ваших рук дело?

– Наших, – подтвердил Анисимов, – мы владеем Силой Стихий. Кстати, о ваших сыновьях. Они живы, но неизвестно где. И позвольте сначала представить собравшихся: Чтица Звезд Ил, наш друг из Ассирии Шаммурамат, Слуга Всех Мышей, – Анисимов указал на себя, – и...а это Хаврошин. Давайте присядем что ли? Хаврошин, подай стулья.

– Шаммурамат? – задумчиво и немного язвительно произнес Папа, – то есть Семирамида, если следовать Геродоту? Владелица знаменитых Висячих садов? И еще с удивительным

Даром Изменения Пространства. Но вот ведь незадача: память у меня прекрасная, но я не припоминаю, чтобы давал такой дар людям...

– Я предпочитаю называться Шаммурамат, – в тон ему ответила ассирийка, – этот негодник Геродот был таким путаником. А вы Создатель? С детства мечтала познакомиться. А то всё по книгам да по книгам...

– Каким книгам? – ошарашено посмотрел на нее Папа, – кто это мог про меня написать?

– Кто – не знаю. А книги из Э—шара и Э—хурсаг—галь—куркура.

– «Дома всемогущества» и «Дома великой горы земли», – вслух перевела Ил.

– Совершенно верно, наши главные храмы, – кивнула головой ассирийка, – а по поводу авторов книг и даров, то внимательнее нужно за своим миром наблюдать, Создатель. Но может, мы все—таки перейдем к делу?

– Да—да, к делу! – поддержал ее Анисимов, – вы действительно знаете что-то о местонахождении Луны?

– Ее больше нет, – мгновенно став серьезной, вздохнула ассирийка, – Луна была не похищена, а уничтожена.

Присутствующие замерли, будто только что навсегда остановилось время. И лишь неутомимый Незаметный Паучок продолжал двигаться к неведомой цели, упрямо перебирая своими маленькими лапками.

– Это конец... – едва слышно прошептал Анисимов, – Земля погибнет.

И тут вдруг заговорил молчавший Хаврошин:

– Как это погибнет? – возмутился он, – а мои пельмени?!

Плащ

В чем причина, что люди делятся на сов и жаворонков? Может быть в том, когда они родились – утром или вечером? Если это так, то баба Марфа родилась ближе к полуночи: уж очень она любила утром поспать. И потому пропустила крайне необычное природное явление: небольшую темную тучку, мирно отдыхавшую на тонких малиновых ветвях. Возможно, она бы даже услышала, как тучка тихо посапывает в полудреме! Хотя вряд ли, с возрастом баба Марфа стала туга на ухо.

Необычной тучкой был Плащ. Он уже почти восстановил силы после сражения с Обратным Ветром и теперь раздумывал о том, что делать дальше. За последние полвека он очень привязался к Ночи, став ее постоянным спутником...

Папа нисколько не лукавил, говоря о своей невнимательности. Да и трудно уследить за большим миром, будучи не Богом, а всего лишь Создателем. Поэтому, что такое Плащ не знал никто. Сам Плащ тоже этого не помнил: дети ведь не помнят первых лет жизни. Но Родиной считал плато Бандиагара. Там он и жил, среди небольшого древнего племени, танцевавшего на ходулях ритуальные танцы и хоронившего своих умерших в ближайших пещерах. Бандиагара – выжженная солнцем земля, на которой, кажется, невозможна жизнь. С восходом женщины племени отправлялись за водой к подножию скал. А потом карабкались вверх по камням с полными ведрами. И вновь спускались и поднимались...

Плащ был любимчиком местных жрецов: считалось, что его подарил племени сам первопредок Номмо, прибывший на Землю со звезды Сиги—со. Жрецы верили, что Подарок Номмо защищает их народ от злых духов. Правда, сам Плащ ни одного злого духа так и не встретил, он лишь играл с аборигенами в свои простые незатейливые игры да месяцами пропадал в Пещерах Мертвых.

Так продолжалось долго, очень долго, но в 20—х годах прошлого века в племени появились миссионеры из «Белого братства». Любопытный Плащ тут же сунулся играть с необычными – с белым цветом кожи – людьми. Но те пришли в неопишное возбуждение и принялись «изгонять дьявола». Это оказалось достаточно больно, и Плащ сбежал в Пещеры.

Много лет он скрывался от белых людей, пока случайно не познакомился с одним французом, поселившимся в племени. Француз был веселым и дружелюбным, занимался мудреной наукой под названием этнография, и звали его Марсель Гриоль. Плащ подружился с этим Белым, что привело к неожиданным для француза последствиям: решением Совета старейшин он был допущен к посвящению в тайное звание жреца.

К сожалению, вернувшись во Францию, Гриоль не сдержал своего слова и рассказал миру о тайных знаниях племени догонов... Тогда-то и пришлось Плащу покинуть свою Родину, убегая от новых и новых Белых Гостей.

Сейчас он пребывал в сомнениях: нужно было искать Ночь, но где и как? Плащ решил вернуться в дом, осторожно соскочил с ветки и тут почувствовал Нечто. Оно было невидимым и неосязаемым, но Плащ ощущал его и эти ощущения были смутно знакомыми. На некоторое время Нечто остановилось над зданием, словно изучая что там делается внутри, а затем медленно двинулось обратно. Не раздумывая, Плащ уцепился за Направление, и его понесло следом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.